

ОБРАЗ КИТАЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОЕННОГО ИЗДАНИЯ *ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ С ЯПОНИЕЙ**

Василий Фролов

Псковский государственный университет,
Псков, Россия

THE IMAGE OF CHINA AS INTERPRETED BY THE MILITARY PERIODICAL *LETOPIS' VOINY S YAPONIYEY*

Vasily Frolov

Pskov State University,
Pskov, Russia

This article analyses the distinctive features of the image of China (Qing Empire) on the pages of the periodical *Letopis' Voiny s Yaponiyey* (*Chronicle of War with Japan*) by its reporters. The Far Eastern neighbour of Russia appears as a state that lacks strong authority within the country and is unable to fully carry out an independent foreign policy. The authors of the *Letopis'* do not ignore that China is close to Japan culturally and religiously and consider it a possible adversary of the Russian Empire. However, they also believe that China is unable to become an active participant in the Russo-Japanese War of 1904–1905 due to political pressure from the European powers and the US. The reporters of the *Letopis'* pay special attention to the fact that as early as the beginning of last century, the Chinese were ready to “rise” and begin their struggle for independence, both from foreign powers and from the hated national elite of China, the Manchu Qing dynasty. In conclusion, the study argues that in the early twentieth century, the media, primarily newspapers and magazines, were given a special and important role in the Russian Empire in promoting the interests of the state and government. It was then that official and pro-governmental periodicals in Russia began, if necessary, to turn into a tool for forming the image of certain states

* *Citation:* Frolov, V. (2020). The Image of China as Interpreted by the Military Periodical *Letopis' voiny s Yaponiyey*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 835–846. DOI 10.15826/qr.2020.3.498.

Цитирование: Frolov V. The Image of China as Interpreted by the Military Periodical *Letopis' voiny s Yaponiyey* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 835–846. DOI 10.15826/qr.2020.3.498 / Фролов В. Образ Китая в интерпретации военного издания *Летопись войны с Японией* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 835–846. DOI 10.15826/qr.2020.3.498.

(as an ally, enemy or neutral state) in the minds of the public in accordance with the will of the political elite.

Keywords: image of state; China; information warfare; Russo-Japanese War of 1904–1905; print periodicals.

Исследуются отличительные черты образа Китая (Империи Цин), формировавшиеся на страницах периодического издания «Летопись войны с Японией» его корреспондентами. Дальневосточный сосед России предстает государством, которое не имеет сильной власти внутри страны и не способно в полной мере осуществлять самостоятельную внешнюю политику. Авторы «Летописи» не обходят стороной и тот факт, что Китай достаточно близок Японии в культурно-религиозном отношении, и рассматривают его в качестве возможного противника Российской империи. Правда, при этом они считают, что Китай не в состоянии стать активным участником Русско-японской войны 1904–1905 гг. из-за политического давления со стороны европейских держав и США. Отдельное внимание на страницах своего журнала корреспонденты «Летописи» обращали на то, что китайцы уже в начале прошлого столетия были готовы подняться и начать борьбу за обретение своей независимости как от иностранных держав, так и от ненавистной национальной элите Китая маньчжурской династии Цин. Сделан вывод о том, что в начале XX в. в Российской империи средства массовой информации, в первую очередь газетам и журналам, отводилась особая роль в пропаганде интересов государства и власти. Именно в тот период официальные и проправительственные периодические издания в России стали превращаться при необходимости в инструмент по формированию в сознании народных масс образа того или иного государства (союзника, врага, нейтрального государства), угодного политической элите (власти).

Ключевые слова: образ государства; Китай; информационное противоборство; Русско-японская война 1904–1905 гг.; печатные периодические издания.

Россия и Китай – великие державы, имеющие длительную богатую историю взаимоотношений. В конце XIX – начале XX в. Российская империя проводила активную внешнюю политику на Дальнем Востоке, усиливая контакты с Китаем. Представления о восточном соседе России транслировались посредством официальной государственной пропаганды, а также распространения в обществе специализированной литературы о Поднебесной. Все последние новости и сведения о Китае население Российской империи получало в первую очередь из печатных периодических изданий. На страницах журнала «Летопись войны с Японией» (1904–1905) его корреспонденты формировали образ крупнейшего соседа России на Дальнем Востоке – Китая (Империи Цин).

В современной научной литературе к исследованию образа Китая конца XIX – начала XX в., создававшегося в России периодической печатью, в той или иной степени обращались Ю. Г. Благодер [Благодер], А. А. Кружалина [Кружалина], Т. М. Кудрявцева [Кудрявцева], А. В. Лукин [Лукин], Н. А. Самойлов [Самойлов], А. С. Титаренко [Титаренко, 2012; Титаренко, 2014], В. И. Дятлов [Дятлов, 2010; Дятлов, 2014]. В их трудах образ Китая в значительной мере основывается на характеристиках, представленных в работах отечественных исследователей и публицистов того периода А. В. Верещагина [Верещагин], В. С. Соловьева [Соловьев], Н. М. Пржевальского [Пржевальский], Э. Э. Ухтомского [Ухтомский] и др. В тот период Китай в России представлялся частью «желтой опасности». Идея о «желтой угрозе» возникла в рамках европейских интеллектуальных течений в конце XIX столетия, а затем распространилась в Российской империи. Согласно данной теории, XX в. должен был стать для Запада веком наплыва поселенцев-завоевателей из Азии, прежде всего из Китая и Японии. Один из наиболее известных и авторитетных журналистов «Летописи войны с Японией» П. Н. Дубенский в своей статье «“Жёлтая” опасность» (1904, № 25) высказывает мысль, что «старая ненависть к христианству и белой расе, затаенная злоба против властной Европы сказались с новой силой», и Китай, как и другие зависимые азиатские страны (Индия, Сиам, Индокитай), «волнуется и бродит, объятый мечтой возрождения Азии в руках азиатов» [Дубенский, 1904а, с. 462].

Журналисты «Летописи» на страницах своего издания уделяли много внимания дальневосточному соседу Российской империи, что было обусловлено сухопутными боевыми действиями на территории Китая во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. В рубрике «За границей» (1904, № 4) сообщается, что сразу после начала войны «китайское правительство заявило о своем решении соблюдать строгий нейтралитет... Китайское чиновничество и народ отнеслись к войне весьма спокойно, по крайней мере, наружно и ничем не выказали своего сочувствия ни к одной из враждебных сторон». При этом автор¹ отмечает:

...китайская пресса, находившаяся в руках японцев и англичан, содержала ряд статей, сочувственных японцам, и проявила враждебный тон к русским... Китайское правительство также выразило опасение, что оно окажется бессильным поддержать нейтралитет в тех районах своей страны, где китайские войска будут находиться в непосредственном соприкосновении с войсками других держав, в том числе и России [За границей, 1904а, с. 73].

¹ У этой статьи, как и у большей части других публикаций «Летописи», автор не указан.

По мнению корреспондента «Летописи», сосредоточение китайских войск на границе с Российской империей в Маньчжурии побудило российское правительство предупредить своего дальневосточного соседа о том, что если Китай не прекратит передвижение своих войск на север, то Россия откажется признавать нейтралитет Поднебесной [Там же]. Фактически с самого начала издания «Летописи» ее авторы настаивали, что Китай может нарушить нейтралитет, начав боевые действия против России, то есть это государство следует рассматривать как потенциального врага.

Один из ведущих журналистов «Летописи войны с Японией» П. Н. Дубенский² в статье «Значение китайского нейтралитета для войны» (1904, № 9) утверждал, что «вопрос о нейтральности Китая по мере развития военных действий с каждым днем приобретал все большее значение». Не только Российская и Япония, но и такие державы, как Великобритания, Франция и Германия, подали правительству богдыхана (китайского императора) так называемые «тождественные» ноты, в которых Поднебесной рекомендовалось сохранять ранее объявленный нейтралитет. В случае его нарушения весьма недвусмысленно намекалось на возможность низложения царствующей Маньчжурской династии. Неудивительно, что китайские посланники в европейских столицах «своими беседами с репортерами всевозможных газет не жалели языков, чтобы убедить общественное мнение в мирном настроении правящих “небесных” сфер» [Дубенский, 1904b, с. 164]. По мнению П. Н. Дубенского, нейтралитет Китая был очень важен для Японии, так как, «ввязавшись в открытую войну с Россией, китайцы испортили бы японцам решительно все их дело, дав повод вступить в войну на Дальнем Востоке другим игрокам». С вмешательством же Великобритании (на стороне Японии) и Франции (на стороне России) в русско-японский конфликт война могла бы принять мировой характер. В борьбе европейских гигантов мог исчезнуть не только Китай как самостоятельное государство, но и сама Япония. При этом «насколько не нужен и опасен Китай как открытый союзник в борьбе с Россией, настолько он драгоценен в настоящей своей роли». Таким образом, Китай в роли скрытого союзника был выгоден Японии, так как данный статус Поднебесной не давал повода третьей стороне вмешаться в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. и, возможно, внести перелом в ход военных действий. Для Японии подобные перемены могли быть крайне опасными (японская армия уже на тот момент времени владела фактически полной инициативой в этом столкновении). Автор статьи убежден в том, что «единство религии и культуры стихийно влечет полудикую разноязычную массу народов, его образующих, на сторону японцев» [Там же].

² Дубенский Петр Николаевич (псевдоним П. Вожин; 1864–1905) – подполковник, журналист, главный редактор журнала «Летопись войны с Японией», имел опыт работы в изданиях «Русские ведомости», «Новое время», «Слово» и др.

Китайцы предстают перед нами в публикациях «Летописи» полиэтнической нацией, большинство народов которой исповедует общую с японцами религию – буддизм. В свою очередь, буддийское мировоззрение очень сильно отличается от христианского. У китайцев и европейцев совершенно разные социальные, политические и культурные ценности, что создает серьезные барьеры в отношениях между ними. П. Н. Дубенский также отмечает, что в Китае работают тысячи революционных обществ, проповедующих фанатичную ненависть к России и идею «Азии для азиатов». В связи с этим можно утверждать, что в начале XX в. в Поднебесной набирал силу национализм. Его росту способствовал и тот факт, что во главе страны уже более двух столетий находилась маньчжурская династия Цин. Несмотря на то, что она к началу прошлого столетия фактически утратила свою «маньчжурскую» идентичность, она по-прежнему воспринималась китайской национальной элитой как что-то чуждое, некитайское, враждебное. Кроме того, в Поднебесной тогда действовали целые полчища партизан, разбойников и мародеров. Вице-короли и маньчжурские генералы, правившие провинциями почти независимо от Пекина, были ничем не связаны в точном исполнении правил нейтралитета. «Жадные до взяток, симпатизирующие Японии, они охотно смотрят сквозь пальцы на организацию и передвижение шаек, вербуемых [японцами] для вторжения в Маньчжурию». Автор делает вывод, что Китаю того периода были присущи слабость центральной власти и коррупция среди чиновничьего аппарата [Дубенский, 1904b, с. 165].

П. Н. Дубенский обращает внимание читателей на то, что правильно организованные японцами хунхузы (члены китайских организованных разбойничьих банд, действовавших в Маньчжурии), снабженные ружьями и горной артиллерией, под командованием переодетых японских офицеров стали появляться в тылу русского стратегического фронта Мукден – Хайчен. Цель их набега, по мнению корреспондента, очевидна: порча железной дороги, захват угольных складов и копей. Борьба с подобными партизанскими отрядами крайне изнурительна для этапных войск русской армии. Таким образом, автор статьи уверен, что поставленный в подобные условия «нейтралитет» Китая существенно стесняет не только боевую деятельность Маньчжурской армии России, но до известной степени и ее возможные результаты. Нейтралитет Китая напоминает «одеяло, которое, по рассказу армянина, греет только самого “нейтрализующегося”» [Дубенский, 1904b, с. 166].

В статье генерала от инфантерии Н. А. Орлова³ «Китайцы – наш возможный противник» (1904, № 10) сообщается:

³ Орлов Николай Александрович (1855–1929) – русский генерал от инфантерии, военный писатель и теоретик, пионер воздухоплавания. В 1900–1901 гг. командовал Хайларским отрядом, принимал активное участие в разгроме китайских войск в Маньчжурии в период восстания ихэтуаней.

...значительные китайские силы сосредоточились на границе Маньчжурии, время от времени происходят схватки русской пограничной стражи с шайками хунхузов, Япония, в свою очередь, стремится подчинить политику Китая своему руководству [Орлов, № 10, с. 180].

Несмотря на тревожные для Российской империи признаки, китайское правительство уверяет Санкт-Петербург в своем миролюбии и обещает сохранять строгий нейтралитет, но такие же уверения со стороны Китая звучали и перед войной 1900 г. (Русско-китайской войной 1900–1901 г. – В. Ф.). При этом, по мнению Орлова, «если со стороны китайских войск последует нападение на Россию, то пекинское правительство снова будет доказывать, что это случилось вопреки его намерений и желаний...». Журналист акцентирует внимание читателей на том, что большинство российских газет, стремясь успокоить подданных империи, пишут о Китае как о «неприятеле несерьезном, легко подверженном панике и вовсе не опасном... По большей части российский народ все еще представляет китайца по картинке с чайной коробки». На его же взгляд, такие суждения могут привести к дурным последствиям, так как никогда не надо пренебрегать противником. Автор обращает внимание на многообразие внешнего вида китайского населения:

Встречаются китайцы с правильным овалом лица, большими правильно поставленными и широко прорезанными черными глазами, горбатым носом, без выдающихся скул, со смуглым, но не желтым цветом щек, весьма красивых с европейской точки зрения. Данный тип скорее походит на европейский, чем на монгольский... [Там же, с. 181].

Религиозный фанатизм китайцев весьма сомнителен; что же касается патриотизма, то его, по мнению этого журналиста, вовсе не существует. Ставит корреспондент под сомнение и стереотипное убеждение о сохранении культа предков в Китае. С одной стороны, китайцы не позволяют проводить линию железной дороги не только через кладбища, но даже вблизи их, чтобы идущие мимо поезда не обеспокоили прах предков. С другой же стороны, покойники у китайцев находятся в полном пренебрежении:

...гробы не зарывают в землю, а ставят на ее поверхность и засыпают сверху небольшим холмиком; дождем холмик размывает, доски гроба разваливаются, труп торчит непокрытый, и свиньи с наслаждением пожирают достопочтенных китайских предков [Там же, с. 182].

Автор выделяет следующие черты натуры китайца:

...сильно стремится к наживе; в торговле и всяких коммерческих делах он далеко оставит за собою еврея и даже армянина... Идеал китайца – быть купцом; это высшее звание; занятие земледелием требует очень

большого труда, а звание воина он призирал, может быть, потому, что оно не дает сколько-нибудь порядочного дохода... Выше купца только банкир, и каждый китаец хочет быть купцом или банкиром [Орлов, № 10, с. 180].

Во второй части статьи «Китайцы – наш возможный противник» (1904, № 11) Н. Орлов обращает внимание читателя на то, что китайцы представляют прекрасный материал для войск, и ошибочно было бы им пренебрегать, мнение о том, что китайцы – это недисциплинированный сброд, совершенно неверно:

Китайцы имеют военные качества и способности, но им недостает серьезной организации и обучения; им трудно сражаться в открытом поле, не имея местных предметов для обороны... Китайский пехотинец нетоим, вынослив, чрезвычайно неприспособлен, обладает замечательной ловкостью и проворством. Он гимнаст, отлично взлезает на стены, деревья, крыши домов, обнаруживая необычайную гибкость и цепкость; при обучении из китайцев вырабатываются отличные стрелки [Орлов, 1904, № 11, с. 198, 199].

Однако во время сражения впечатления быстро опьяняют китайцев, «они теряют голову и начинают бесконечную и бесполезную ружейную трескотню» [Там же]. Автор отмечает, что «китаец умирает чрезвычайно легко и жизнью мало дорожит; в плен китайцы почти не сдаются».

Журнал прибегал к использованию не только документальных данных, но и слухов, формирующих настроение масс. В рубрике «За границей» (1904, № 19) отмечается, что после первых успехов японцев на театрах войны с Россией среди китайского населения началось брожение и появились слухи о том, что Китай не замедлит нарушить нейтралитет и присоединиться к одной из враждующих сторон. Эти сведения, усердно поддерживавшиеся английской прессой, муссировались все настойчивее и сильнее. При этом усиливалась деятельность хунхузов, превратившихся фактически в передовую конницу японских войск [За границей, 1904b, с. 351]. Японцы продолжали нанимать хунхузов, обучали, организовывали их в отряды. Наиболее же характерным показателем отношения китайцев к русским является отданное после ухода русских войск распоряжение даотая (начальника округа) в Пуландяне о казни китайцев, служивших русским в каменноугольных коях. Таким образом, журналисты «Летописи» полагают, что, несмотря на самые решительные заявления китайского правительства о сохранении нейтралитета во время Русско-японской войны и опубликованные соответствующие указы, несмотря на пожертвования, сделанные некоторыми китайскими властями в Мукдене на нужды больных и раненых русских воинов, скорее всего, имеются тайные антирусские распоряжения, которыми и руководствуются местные провинциальные китайские власти. Позиция журнала состоит в убеждении, что китайское правительство,

«в принципе враждебное Европе, все же боится поддерживать стремления Японии, угрожающие прежде всего безопасности Китая, и поэтому до известной степени можно рассчитывать на сохранение им нейтралитета» [За границей, 1904b, с. 352].

Корреспонденты журнала констатируют, что помощь Китая японским действующим армиям «становится все определеннее и разнообразнее». Японцам помогали не только хунхузы, китайские шпионы, поставщики, но и китайские солдаты [За неделю, 1904, с. 458]. Достаточно активно командование японских армий привлекало китайцев к шпионажу в свою пользу. В статье «Военное шпионство» (1905, № 62) читателей информируют, что завербованные китайцы-шпионы пробирались на подконтрольную русской армии территорию под видом торговцев, аробщиков (погонщиков волов) и просто беглецов из районов Китая, оккупированных Страной восходящего солнца. Японцы снабжали таких шпионов особыми деревянными или металлическими бирками для распознавания и пропуска через свои пограничные линии. Большинство шпионов-китайцев получали от японцев жалованье в размере от 40 до 100 руб. (в перерасчете на российские рубли). За каждое удачно выполненное задание выплачивалось особое вознаграждение от 6 до 20 руб. [Военное шпионство, с. 1237].

В статье «Военное положение иностранных государств на Дальнем Востоке» (1905, № 44) до читателей «Летописи» доводится информация о том, что в последнее время все настойчивее из Китая стали приходить известия о возникновении народного движения среди населения различных местностей, направленного против иностранных держав, включая Россию. «За бушующими толпами стоят правительственные власти, которым, в сущности, принадлежит почин действий». Автор уверен, что над китайским центральным правительством тяготеет рука Японии, и «когда японцы сочтут, что время настало, движение разовьется со значительной силой, и всем иностранцам в Китае будет угрожать гибель» [Военное положение иностранных государств, с. 836].

В рубрике «Из иностранной печати» (1905, № 57) ее автор высказывает мысль о том, что, если Россия потерпит поражение в войне с Японией, Китай окажется под владычеством Страны восходящего солнца. Японцы убеждены, что «Китай может цивилизовать только одна Япония, но и она сделает это не раньше, чем Поднебесная империя убедится в японском могуществе» [Из иностранной печати, с. 1120]. Тот факт, что Япония в начале XX в. видела в Китае всего лишь своего будущего вассала, подтверждает и то, что она категорически выступала против того, чтобы Пекин был представлен на переговорах о мире, которые велись между Российской и Японской империями при посредничестве США. «Япония считала, что она соблюдает интересы Китая лучше его самого» [За неделю, 1905, с. 1310].

На страницах «Летописи» опубликовано достаточно большое количество ярких фотосточников, также впечатляющих читателя

своей правдивостью: «Хунхузы перед казнью» [Хунхузы перед казнью, с. 524] (рис. 1), «Китайцы близ лагеря русской армии» [Китайцы близ лагеря русской армии], «Арестованные хунхузы на биваке у Симучена» [Арестованные хунхузы], «Китайцы, бегущие из своих деревень перед боем» [Китайцы, бегущие из своих деревень] (рис. 2) и др.

1. Хунхузы перед казнью // Летопись войны с Японией. 1904. № 28. С. 524

Honghuzi before execution // *Letopis' Voiny s Yaponiyej*. 1904. No. 28. P. 524

2. Китайцы, бегущие из своих деревень перед боем // Летопись войны с Японией. 1905. № 64. С. 1276

The Chinese fleeing their villages before the battle // *Letopis' Voiny s Yaponiyej*. 1905. No. 64. P. 1276

Можно отметить следующие отличительные черты образа Китая и его народа, созданного журналистами «Летописи»:

– государство, не имеющее сильной власти внутри страны, а значит, не способное в полной мере осуществлять самостоятельную внешнюю политику;

– страна, которая может рассматриваться в качестве возможного противника России, но при этом не способная стать активным участником Русско-японской войны из-за политического давления со стороны великих держав;

– государство, которое было близко Японии в культурно-религиозном отношении;

– азиатский народ, готовый подняться и начать борьбу за обретение полной независимости от иностранных держав.

В начале XX столетия в Российской империи средствами массовой информации, в первую очередь печатной периодике, отводилась особая роль в информационном воздействии на сознание народа. Правительственные издания на своих страницах могли формировать практически любой образ государства или народа (в первую очередь врага или союзника), который был бы необходим в определенный момент истории действующей власти и соответствовал бы политическим интересам Российской империи.

Список литературы

Арестованные хунхузы на биваке у Симучена : [фотография] // Летопись войны с Японией. 1905. № 45. С. 863.

Благодер Ю. Г. Трансформация образа Китая в сознании российского дореволюционного общества // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 1. С. 15–22.

Верещагин А. В. По Манчжурии. 1900–1901 гг. Воспоминания и рассказы // Вестн. Европы. 1902. № 1. С. 116–118.

Военное положение иностранных государств на Дальнем Востоке // Летопись войны с Японией. 1905. № 44. С. 835–836.

Военное шпионство // Летопись войны с Японией. 1905. № 62. С. 1234–1237.

Дубенский П. Н. Значение китайского нейтралитета для войны // Летопись войны с Японией. 1904а. № 9. С. 164–166.

Дубенский П. Н. «Желтая» опасность // Летопись войны с Японией. 1904б. № 25. С. 462–464.

Дятлов В. И. «Великие ксенофобии»: взаимовлияние и взаимодействие (опыт России) // Идеи и идеалы. 2010. № 2. Ч. 1. С. 51–63.

Дятлов В. И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. № 2. Ч. 1. С. 23–41.

За границей // Летопись войны с Японией. 1904а. № 4. С. 72–73.

За границей // Летопись войны с Японией. 1904б. № 19. С. 351–352.

За неделю // Летопись войны с Японией. 1904. № 25. С. 457–459.

За неделю // Летопись войны с Японией. 1905. № 66. С. 1309–1312.

Из иностранной печати // Летопись войны с Японией. 1905. № 57. С. 1119–1122.

Китайцы близ лагеря русской армии : [фотография] // Летопись войны с Японией. 1905. № 41. С. 779.

Китайцы, бегущие из своих деревень перед боем : [фотография] // Летопись войны с Японией. 1905. № 64. С. 1276.

Кружалина А. А. От «китайского гостеприимства» до «желтой угрозы»: формирование внутрироссийского китайского вопроса на страницах сибирской газетной прессы второй половины XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6-1. С. 73–79.

Кудрявцева Т. М. «Китай-царь»: китайцы в восприятии русского народа в период «боксерского восстания» (по материалам русской печати) // Клио. 2014. № 8 (92). С. 82–85.

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 608 с.

Орлов Н. А. Китайцы – наш возможный противник // Летопись войны с Японией. 1904. № 10. С. 180–182. № 11. С. 198–200.

Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. 560 с.

Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVIII – начале XX вв.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2010. № 2. С. 3–15.

Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М. : АСТ, 1990. Т. 2. С. 635–762.

Титаренко А. С. Образ Китая в российском сознании во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3 (104). С. 291–297.

Титаренко А. С. Представления о Китае в русском народном сознании (вторая половина XIX – начало XX в.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 243–251.

Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб. : Паровая скоропечатня «Восток», 1900. 87 с.

Хунхузы перед казнью : [фотография] // Летопись войны с Японией. 1904. № 28. С. 524.

References

Arrestovannyye khunkhuzy na bivake u Simuchena [photograph] [Arrested Honghuzi at the Hsimucheng Bivouac]. (1905). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 45, p. 863.

Blagoder, Yu. G. (2011). Transformatsiya obraza Kitaya v soznanii rossiiskogo dorevolyutsionnogo obshchestva [The Transformation of the Image of China in the Minds of Pre-Revolutionary Russian Society]. In *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. Iss. 1, pp. 15–22.

Dubenskii, P. N. (1904a). Znachenie kitaiskogo neutraliteta dlya voyny [The Value of Chinese Neutrality for the War]. In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 9, pp. 164–166.

Dubenskii, P. N. (1904b). “Zheltaya” opasnost' [“Yellow” Danger]. In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 25, pp. 462–464.

Dyatlov, V. I. (2010). “Velikie ksenofobii”: vzaimovliyanie i vzaimodeistvie (opyt Rossii) [“The Great Xenophobia”: Mutual Influence and Interaction (Russian Experience)]. In *Idei i idealy*. No. 2. Part 1, pp. 51–63.

Dyatlov, V. I. (2014). Ekzotizatsiya i “obraz vraga”: sindrom “zheltoi opasnosti” v dorevolyutsionnoi Rossii [Exotisation and the “Image of the Enemy”: The Syndrome of “Yellow Danger” in Pre-Revolutionary Russia]. In *Idei i idealy*. No. 2. Part 1, pp. 23–41.

Iz inostranoi pechati [From the Foreign Press]. (1905). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 57, pp. 1119–1122.

Khunkhuzy pered kazn'yu [Photograph] [Honghuzi before Execution]. (1904). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 28, p. 524.

Kitaitsy bliz lagerya russkoi armii [Photograph] [The Chinese Near the Camp of the Russian Army]. (1905). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 41, p. 779.

Kitaitsy, begushchie iz svoikh dereven' pered boem [Photograph] [The Chinese Running from Their Villages before the Battle]. (1905). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 64, p. 1276.

Kruzhalina, A. A. (2014). Ot “kitaiskogo gostepriimstva” do “zheltoi ugrozy”: formirovanie vnutrirossiiskogo kitaiskogo voprosa na stranitsakh sibirskoi gazetnoi pressy vtoroi poloviny XIX veka [From “Chinese Hospitality” to “Yellow Threat”: The Formation of the Internal Russian Chinese Question on the Pages of the Siberian Newspaper Press of the Second Half of the 19th Century]. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 6. No. 6-1, pp. 73–79.

Kudryavtseva, T. M. (2014). “Kitai-tsar”: kitaittsy v vospriyatii russkogo naroda v period “bokserskogo vosstaniya” (po materialam russkoi pechati) [The “China-Tsar”: The Chinese in the Perception of the Russian People during the Boxer Rebellion (with Reference to the Russian Press)]. In *Klio*. No. 8 (92), pp. 82–85.

Lukin, A. V. (2007). *Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XX vekakh* [The Bear is Watching the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th–20th Centuries]. Moscow, AST, Vostok – Zapad. 608 p.

Orlov, N. A. (1904). Kitaittsy – nash vozmozhnyi protivnik [The Chinese Are Our Potential Adversary]. In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 10, pp. 180–182; No. 11, pp. 198–200.

Przhevalsky, N. M. (1888). *Ot Kyakhty na istoki Zheltoi reki, issledovanie severnoi okrainy Tibeta i put' cherez Lob-Nor po basseinu Tarima* [From Kyakhta to the Headwaters of the Yellow River, the Exploration of the Northern Outskirts of Tibet and the Path through Lop Nur through the Tarim Basin]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 560 p.

Samoilov, N. A. (2010). Rossiya i Kitai v XVIII – nachale XX vv.: tendentsii vzaimodeistviya i vzaimovliyaniya [Russia and China in the 18th – Early 20th Centuries: The Tendency of Interaction and Mutual Influence]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie. Afrikanistika*. No. 2, pp. 3–15.

Solovyov, V. S. (1990). Tri razgovora o voine, progresse i kontse vseмирnoi istorii [Three Conversations about War, Progress, and the End of World History]. In Solovyov, V. S. *Sochineniya v 2 t.* Moscow, AST, pp. 635–762.

Titarenko, A. S. (2012). Obraz Kitaya v rossiiskom soznanii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The Image of China in the Russian Consciousness in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. No. 3 (104), pp. 291–297.

Titarenko, A. S. (2014). Predstavleniya o Kitae v russkom narodnom soznanii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Idea of China in Russian Folk Consciousness (2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 2 (127), pp. 243–251.

Ukhtomsky, E. E. (1900). *K sobyitiyam v Kitae. Ob otosheniyakh Zapada i Rossii k Vostoku* [On the Events in China. About the Attitude of the West and Russia to the East]. St Petersburg, Parovaya skoropechatnya “Vostok”. 87 p.

Vereshchagin, A. V. (1902). Po Manchzhurii. 1900–1901 gg. Vospominaniya i rasskazy [In Manchuria. 1900–1901. Memories and Stories]. In *Vestnik Evropy*. No. 1, pp. 116–118.

Voennoe polozhenie inostrannykh gosudarstv na Dal'nem Vostoke [The Military Position of Foreign Countries in the Far East]. (1905). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 44, pp. 835–836.

Voennoe shpionstvo [Military Espionage]. (1905). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 62, pp. 1234–1237.

Za granitsej [Abroad]. (1904a). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 4, pp. 72–73.

Za granitsej [Abroad]. (1904b). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 19, pp. 351–352.

Za nedelyu [Weekly News]. (1904). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 25, pp. 457–459.

Za nedelyu [Weekly News]. (1905). In *Letopis' voiny s Yaponiei*. No. 66, pp. 1309–1312.

The article was submitted on 10.11.2017